

Alexandre Stroevev
Александр Строев
Sorbonne Nouvelle
Новая Сорбонна
France, Paris
Париж, Франция

The Machine Rebellion in Russian and European Literature of the Turn of the Twentieth Century

Бунт машин в русской и европейской литературе рубежа XX века

At the turn of the twentieth century, a long-standing mystical theme, the rebellion of the creature against the Creator, appears as the triumph of machine civilization. It appears in science fiction (Henri Ner, H.G. Wells, Auguste de Villiers de l'Isle-Adam, Karel Čapek), in the works of the Futurists (Velemir Khlebnikov, Vladimir Mayakovsky, Alexei Kruchenykh), the Symbolists (Valery Bryusov, Maximilian Voloshin, Grigol Robakidze), the Expressionists (Antonin Seuhl), etc. Its origins can be found in the Romantics (E.T.A. Hoffmann, Mary Shelley). Science fiction (H.G. Wells, Alexander Bogdanov, Alexei Tolstoy) develops the ancient theme of mystical journeys to other planets, transmigration of the spirit to another world (Cyrano de Bergerac, Swedenborg, Camille Flammarion, Dostoevsky). In the periods of wars and revolutions, devastation and famine (the Russo-Japanese War of 1904-1905, the Russian Revolution of 1905-1907, the World War of 1914-1918, the revolutions in Russia and Germany in 1917-1918, the Russian Civil War of 1918-1920 and the famine of 1921), the fear of deadly machines, of technical progress becomes from mystical to real and universal. Numerous short stories, novels, poems, and plays describe how mechanisms (robots) go out of obedience, destroy humans, and create a new world.

Keywords: Machine Rebellion, H.G. Wells, Bryusov, Voloshin, Khlebnikov, Mayakovsky

На рубеже XX века давняя мистическая тема, бунт творения, «твари дрожащей» против Творца, соединятся с темой торжества машинной цивилизации и страхом перед ней. Она возникает в научной фантастике (Анри Нер, Г. Уэллс, О. Вилье де Лиль-Адан, К. Чапек), в произведениях футуристов (В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых), символистов (В. Брюсов, М. Волошин, Г. Робакидзе), экспрессионистов (А. Сель). Разумеется, ее истоки можно найти и раньше, в том числе у романтиков (Э.Т.А. Гофман, М. Шелли).¹ Научная фантастика (Г. Уэллс, А. Богданов, А.Н. Толстой) подхватывает давнюю тему мистических путешествий на другие планеты, переселения души в иной мир (Сирано де Бержерак, Сведенборг, К. Фламарион, Достоевский²).³ Но именно в периоды войн и революций,

¹ Я уже обращался к этой теме в статье: *Строев А.Ф.* К проблеме символистского житнетворчества: рассказ Максимилиана Волошина в кафе «Ротонда» // Известия ОЛЯ. 2019. Т. 78. № 6. С. 53-65.

² См. в частности *Милош Ч.* Достоевский и Сведенборг// Новая Польша. 2008. №6. С. 20-30.

³ О «космизме» в русской литературе и философии начала XX в. см. *Гачева А.* Русский космизм в идеях и лицах. М., Академический проект, 2019

разрухи и голода (русско-японская война 1904-1905 гг., революция в России в 1905-1907 гг., мировая война 1914-1918 гг., революции в России и Германии в 1917-1918 гг., гражданская война в России в 1918-1920 гг. и голод 1921 г.) страх перед смертоносными машинами, перед техническим прогрессом становится из мистического реальным, всеобщим. Множатся рассказы, романы, стихи, пьесы, где механизмы, (роботы) выходят из повиновения, уничтожают людей и создают новый мир.

Начнем с рассказа французского анархиста, философа, писателя и журналиста Анри Нера (псевдоним Ан Ринер [Henri Ner / Nan Ryner], 1861-1938) «Восстание машин» («La Révolte des machines», 1896). Это трагическая история Великого Изобретателя, создателя машин, которые могут самовоспроизводиться. Тем самым труд людей становится ненужным. Однако паровоз Жанна, разлученная со своей дочкой Жанеттой, не может перенести утрату и поднимает собратьев на восстание. Она приканчивает изобретателя, крича: «Я убила Бога!» Машины, испугавшись анархии, возвращаются в рабство к людям. Но никто более не может найти секрет партеногенеза механизмов.¹

Герберт Джордж Уэллс в романах «Война миров» (1897, русск. пер. «Борьба миров» 1898) и «Война в воздухе» (1908, русск. пер. 1909) описывает столкновение цивилизаций: марсиан и землян, Англии, Франции и США с Германией, Европы и Азии. Уэллс предсказывает мировую войну, включая Китай и Японию, которые пользуются ослаблением Европы. Ее прямое следствие – уничтожение высоко организованного общества. Гражданские войны несут разруху и хаос, губят промышленность и культуру. Люди переходят к натуральному хозяйству и пытаются воссоздать заново ремесла и торговлю, коммуны и самоуправление.

При этом война описывается как столкновение машин: гигантских дирижаблей, легких самолетов, броненосцев, мощных пушек, не говоря уж о прилетевших с Марса космических треножников, которые используют мощный луч (прообраз лазерного оружия). Люди предстают как слабые придатки машин, воюющих самостоятельно. Марсиане убивают земные бактерии, а не люди.

Марсианский треножник и луч лазера, дирижабли, самолеты, броненосцы, пушки

Футуризм: освобождение вещей

Итальянские футуристы, родоначальники движения, в литературе и живописи раскрепощают вещи, позволяют им двигаться, жить своей жизнью. Машины стремительно несутся на полотнах картин. Футуристы провозглашают культ скорости, славят аэропланы и автомобили, символу новой эры. Но триумф цивилизации грозит гибелью.

Филиппо Томмазо Маринетти в первом «Манифесте футуризма» (1909) славит убийственную красоту машин и войны:

4. Мы утверждаем, что великолепие мира обогатилось новой красотой — красотой скорости. Гоночная машина, капот которой, как огнедышащие змеи, украшают большие трубы; ревущая машина, мотор которой работает как на крупной картечи, — она прекраснее, чем статуя Ники Самофракийской. <...>

7. Красота может быть только в борьбе. <...>

9. Мы будем восхвалять войну – единственную гигиену мира – милитаризм <...>.

10. Мы разрушим музеи, библиотеки, учебные заведения всех типов <...>.²

¹ М. Волошин познакомился с французским писателем в Париже в начале века, хранил его книги в своей библиотеке.

² Оригинал на французском; <https://futurismrus.narod.ru/firstman.htm>

Однако, если Италия в начале века мечтает о новых завоеваниях, то Россия потерпела поражение войне с Японией. Русский футуризм развивается в диалоге с символизмом¹. Велемир Хлебников в поэме «Журавль» (1909, опубл. частично 1910, 1914, полностью 1928) живописует бунт неживого против живого: «Злей не был и Кощей / Чем будет, может быть, восстание вещей».² Вещи соединяются в железную птицу, а плоть остову дают трупы:

И в свете том яснее толпы мертвецов
В союз спешащие вступить с вещами.
Могучий созидался остов.
Вещи выполняли какой-то давнишний замысел <...>
Они торопились, как заговорщики <...>.

<...>. Жизнь уступила власть
Союзу трупа и вещи <...>.³

Если в легендах аист приносит младенцев, то чудовищный журавль пожирает их:

Журавль, к людским пристрастись обедням,
Младенцем закусывал последним.⁴

Издатели тома отмечают в комментариях влияние упомянутых выше романов Уэллса «Война миров» и «Война в воздухе» на образный ряд поэмы.⁵

Эта тема бунта вещей близка и другим русским футуристам.⁶ Она звучит в трагедии Маяковского «Владимир Маяковский» (1913, опубл. 1914, первоначальный вариант заглавия «Восстание вещей»):

В земле городов нареклись господами
и лезут стереть нас бездушные вещи.
<...>
А музыкант не может вытащить рук
из белых зубов разъяренных клавиш.
<...>
сейчас родила старуха-время
огромный
криворотый мятеж!
<...>
И вдруг
все вещи
кинулись,
раздирая голос,
скидывать лохмотья изношенных имен.⁷

¹ Клинг О.А. В. Хлебников и символизм // Вопросы литературы. 1998. №5. С. 93-121.

² Хлебников В. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. Поэмы. / ред. Е.Р. Арензон, Р.В. Дуганов. М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 19.

³ Там же. С. 21-22.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ См. превосходную монографию: Кужуй И. Концепт «вещь» в языке русского авангарда. München, O. Sagner, 2010 (Wiener Slawistischer Almanach 77).

⁷ Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Наука, 1955. С. 156-157, 162-163.

Она не исчезает после войны и революции. «Телефон бросается на всех» в поэме «Про это» (1923). Нежить, люди-манекены захватывают власть («Прозаседавшиеся», 1922). В безлюдном, мертвом Париже поэт предлагает Эйфелевой башне возглавить восстание вещей и зданий, разрушить город и переселиться в Москву («Париж. Разговорчики с Эйфелевой башней», 1923):

<...> Я борозжу Париж –
до жути одинок,
до жути ни лица,
до жути ни души.
Вокруг меня –
авто фантастят танец <...>.
Я разагитировал вещи и здания. <...>
Решайтесь, башня, –
нынче же вставайте все,
разворотив Париж с верхушки и до низу!¹

Другой футурист, Алексей Крученых, который во время войны и революции жил в Грузии, входит в диалог с пролетарской литературы, в которой машина подчиняется людям. В лекции «О женской красоте», прочитанной в Тифлисе 20 ноября 1917 г. (опубл. Баку, 1920), он заявляет:

4. Мадонна будущего (Машина)

Футуристы не обожают и почти перестали воспевать женщину и поют машину, то же делают пролетарские поэты – машина, труд у них на первом плане, женщина – товарищ, друг, а не безделушка или волшебное виденье. Это изгоняет гипертрофию женственности из искусства. Момент любви стал редким, временным, о нём после не думают – и потому футуристы женщину считают машиной для сгорания запаса любви, но это сгорание – полное!

Символизм: мистическая гибель человечества

Однако, женщина-машина уже была изобретена в литературе конца XIX в., а символисты описали техногенный апокалипсис. Предчувствие конца света возникает в мини-поэме Валерия Брюсова «Конь блед» (1903, опубл. 1906), с эпиграфом из Откровения Иоанна (6:8) «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть»:

Улица была – как буря. Толпы проходили,
Словно их преследовал неотвратимый Рок.
Мчались омнибусы, кэбы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.²

В рассказе «Последние мученики» (1906), написанном во время первой русской революции, Брюсов предсказывает то, что случится после следующей: по приказу Временного правительства во имя мировой революции уничтожается интеллигенция.

Два неоконченных научно-фантастических рассказов, оставшихся в рукописи посвящены одной теме: «Восстание машин» (1908) и «Мятеж машин» (1915).³ Думается, что их названия и содержа-

¹ Маяковский В.В. Полн. собр. соч. Т. 4. М.: Наука, 1957. С. 75-78.

² Брюсов В. Избранные сочинения в 2 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1955. С. 213.

³ Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. С. 95-99, 100-103. Рассказы Брюсова предвосхищают постапокалиптический рассказ Рея Брэдбери «Будет теплый ласковый дождь» (1950, сб. «Марсианские хроники») и, разумеется, фильм «Терминатор» (1984).

ние связаны со стихотворениями Верхарна «Восстание» и «Мятеж», переведенных Брюсовым на русский язык. Машины полностью заменяют людей:

С первого часа после пробуждения человек вступал во власть машины. О часе пробуждения возвещал автоматический будильник; процесс одевания и утренней ванны был облегчен разными приборами до *minimum'a*. Выйдя из своей квартиры, человек, нажав пуговку, вызывал к себе лифт своего многоэтажного дома и спускался прямо до глубин «метрополитена» или «империала», смотря по тому, куда надо было ехать. Там проходил в вагон подземной дороги, опять-таки обслуживаемой машинами и приборами без всякого участия людей, и достигал нужной станции; с неё по другому лифту поднимался до места своей дневной работы. Так как на всех поприщах работа исполнялась машинами, то человеческий труд состоял почти исключительно в вычислениях. Всё производство совершалось с помощью машин; вся торговля велась автоматически; товары перевозились из страны в страну и через океаны... («Мятеж машин»).

Поняв ненужность человечества, рабы-машины уничтожают хозяев, убивают их электричеством:

Теперь, по разным догадкам, стараются восстановить адски фантастическую сцену, разывшуюся в огромных подземных залах Станции: ливни внезапно вспыхнувших молний, целый потоп электрических разрядов, грохот, подобный миллиону громов, ударивших одновременно, сотни и тысячи людей, – инженеров, помощников, рядовых рабочих, – падающих обугленными, уничтоженными, разорванными в куски или кривляющимися в мучительно-невероятной пляске... («Восстание машин», 1908).

Эта жуткая сцена, возможно, отсылает к описаниям казней на электрическом стуле, практиковавшимся в США с 1890 г.

К рассказам примыкает антиутопия Брюсова «Республика Южного Креста» (1904-1905, опубликована в 1907), повествующая о гибели цивилизации, обуянной «манией противоречия». В ней можно увидеть отзвуки сибирского видения Раскольниковца: «Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселявшиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же бесноватыми и сумасшедшими.»¹

И, разумеется, эти произведения можно прочесть как отзвук русско-японской войны, революции 1905-1907 гг. и мировой войны, как пишет об этом сам Брюсов:

В наши дни, дни «великой войны», когда наши противники значительнейшую долю своих упований основывают на техническом превосходстве Германии, может быть, не столь несвоевременной покажется фантастика, пытающаяся олицетворить технику. Та пропасть, в которую ведут крайние выводы германского символа веры, – вот то тёмное и грозное видение, предносившееся пред воображением автора, когда он обдумывал излагаемую здесь невероятную историю («Мятеж машин», 1915).

Война, свидетелем которой он был, заставила писателя вспомнить о Герберте Уэллсе в своих газетных репортажах:

Великая война наших дней замечательна между прочим тем, что в ней впервые авиация заняла серьезное положение. <...> Уэллс заблуждался, когда в своем фантастическом

¹ *Достоевский Ф.М.* Собр. соч. в 30 т. Т. 6. М.: Наука, 1973. С. 419.

романе «Война в воздухе» предсказывал, что для всего человечества наступит новая эра под влиянием военных действий в воздухе («Летчики» 31 января / 13 февраля 1915).¹

Максимилиан Волошин

М. Волошин мог читать «Республику Южного Креста», но, по-видимому, не читал неопубликованные «Восстание машин» и «Мятеж машин».² Тема эта возникает во время русско-японской войны, в письме к М. В. Сабашниковой из Парижа от 5/18 сентября 1904 г. «Война медленно захватывает душу, как колесо машины, в которую попал конец одежды».³

Мистика дает ключ к политике и истории. Машины уподобляются демону, вырвавшемуся на волю, а их мятеж – революции. Формула «Мятеж ли вы вещей извечно пленных?» возникает в статье «Демоны разрушения и закона» (1908), развивающей идеи М. Метерлинка.⁴ В наброске статьи «Демонизм машины» (1909) Волошин писал, что машины – олицетворения духов стихий.

Они повинуются нам, как рабы, и беспрекословно исполняют все наши желания. Но проходит время, и мы вдруг начинаем сознавать, что совсем не они наши рабы, а что мы безвозвратно продали им в рабство свою вольную душу. Что они – эти мертвые твари человека – правят нашею жизнью и диктуют нам свои законы.

Что они похожи на дьявола, которому человек продает свою душу.⁵

Поэт продолжает эту тему в статьях, написанных в Париже для русской прессы. В первой, «Бунт машин» (сентябрь 1911 г.) он рассказывает о взрыве боеприпасов на французском броненосце в Тулоне 25 сентября 1911 г., погубившем и ранившем около пятисот моряков. Поэт превращает трагическое событие в мистическое:

Машины бунтуют против человека. Это самое страшное и в то же время неизбежное, что предстоит пережить человеческому роду. Мы вызвали к жизни, к бытию и к действию дремавшие силы природы, создали для них стальные тела и мускулы – новую породу одушевленных существ, по отношению к которой мы являемся богами, но они всегда стремятся вырваться из-под нашей власти и бунтуют против нас. <...>

Франция чаще других неосторожно берет в руки сосуды, от века запечатанные Соломоновой печатью, и поэтому чаще всего страдает от бунта (сил извечно пленных), от мятежа вещей и машин, который пользуется малейшей трещиной в социальной дисциплине, чтобы прорваться наружу в вихре смерти и разрушения.⁶

¹ Брюсов В. Газетные корреспонденции 1914-1915 гг. // Наше наследие. 2014. № 110; URL: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11007.php>

² О истории взаимоотношений двух поэтов см.: Переписка с М.А. Волошиным (1903–1917) / Вступ. статья, публ. и коммент. К.М. Азадовский, А.В. Лавров // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М.: Наука, 1994. С. 251-399.

³ Волошин М.А. Собр. соч. в М.: Эллис Лак, 2013 Т. 11. Кн. 1. С. 141.

⁴ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 3. С. 255.

⁵ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. С. 600.

⁶ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. С. 413-414.

В статье «Грядущая Ева и Эдисон» (октябрь 1911 г.) Волошин противопоставляет газетной шумихе вокруг приезда в Европу великого изобретателя Томаса Эдисона роман Вилье де Лиль-Адана¹ «Грядущая Ева» (1886, русск. пер. 1910-1911):

Роман этот заслуживает имени гениального вовсе не потому, что он так точно описывает устройство механизма женщины, созданной Эдиссоном, <...>, а потому, что он, вскрывая с едкой горечью все тайные пружины *чувственной* любви, с совершенно дьявольским остроумием доказывает, что их можно подменить, подделать, создать женское обаяние чисто механически, идя к цели более логическими и неотвратимыми путями, чем идут женщины.²

В дальнейшем соединение этих двух тем, механических людей, способных любить, и бунта машин, ляжет в основу многочисленных произведений. Восходит «Грядущая Ева» к рассказу Гофмана «Песочный человек» (1817), где любовь к механической кукле, умеющей петь, танцевать, играть на пианино, говорить несколько слов, сводит с ума и губит студента Натанаэля, принявшего ее за живую женщину³. До этого его отец погиб при взрыве алхимической лаборатории; невеста студента Клара называет его духовидцем.

Также трагична история изобретателя и его детища в романе Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818). Франкенштейн мечтает соединить традицию оккультной философии Агриппы Неттесгеймского и занятия естественными науками. В духе идей «витализма» начала XIX века, он находит «жизненную силу», которая оживляет тело, созданное хирургическим путем. Однако искусственное существо становится бесовским проклятьем, убивает своего творца.

В трагедии «Фауст» Гете показывает опасности, подстерегающие алхимика, для коего наука – способ проникновения в мистические тайны. Во 2-й части (опубл. 1832), Мефистофель помогает герою создать гомункула (выращенного в пробирке человека) и материализует дух Елены Прекрасной.

В конце XIX в. – начале XX в. участники спиритических сеансов и теософы используют технические средства для фотографирования духов и записи их голосов. Томас Эдисон познакомился с Еленой Блаватской в Нью-Йорке в 1878 г. и многие годы работал над созданием аппарата, позволяющего наладить связь с «иным миром».⁴ Однако Волошин, доказывая, что теософия, оккультизм – альтернативный и действенный способ познания мира, предостерегает:

Но характерно то, что все открытия науки, все приложения великих сил – пара, электричества и взрывчатых веществ, найденных на процветанье человечества, – все они послужили больше на зло и на порабощение и на истребление человека, чем во благо его» (статья «О теософии», 1907).⁵

¹ Поэт чувствовал духовную близость с французским писателем. В 1908 г. в статье «Вилье де Лиль-Адан», посвященной переводу на русский «Жестоких рассказов», Волошин сосредоточился на анализе «Машины Славы», заменяющей деятельность людей. В 1907 г. он перевел драму Вилье де Лиль-Адана «Аксель», а затем в статье «Апофеоз мечты» (1916) проанализировал ее диалог с Достоевским и рассказал об авторе. См. диссертацию: Савина А.Д. Восприятие творчества О. Вилье де Лиль-Адана в России конца XIX – начала XX века (2020).

² Волошин М. А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. С. 432-433.

³ Гофман, разумеется, знал об автоматах Вокансона и Кемпелена, музицирующих, играющих в шахматы, произносящих слова. *Chapuis A., Gélis E.* Le Monde des automates. Étude historique et technique [1928]. Genève: Slatkine, 1984. 2 t.; *Doyon A, Liaigre L.* Jacques Vaucanson, mécanicien de génie. P.: PUF, 1966.

⁴ *Baudouin Ph.* Machines “nécrophoniques”: Thomas Edison et la voix des morts // Syntone. 2014. 19 septembre. – URL; <http://syntone.fr/machines-necrophoniques-thomas-edison-et-la-voix-des-morts/>

⁵ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 2. С. 237. И Волошин, и Брюсов принимали участие в спиритических сеансах. См.: Брюсов В.Я. Спиритический дневник: Медиумизм и эзотерика / Сост., подг. текстов и комм. С. Шаргородский. Б.м.: Salamandra P.V.V., 2020.

Смертоубийственные машины стали реальностью во время Первой мировой войны, начало которой застало Волошина в Дорнахе (Швейцария), где он принимал участие в строительстве Геттанума Рудольфа Штейнера, мирового центра антропософии, и во Франции. В стихотворении «Цепелины над Парижем» (1915) и одноименной статье (1916) немецкие дирижабли предстают как олицетворение отроческого страшного сна о механическом драконе. В статьях Волошин повторяет без устали, что французская военная машина беспощадно уничтожает писателей, что их уже погибло около трехсот («Париж и война», 1915-1916; «Франция и война», 1916).

Но сейчас в органической эволюции войны совершается именно этот процесс – замены человека машиной.

Всюду, где возможно, она ставит на место человека машину. И *нечеловеческая* жестокость ее объясняется тем, что человек перестал быть мишенью – разрушительные силы направлены на машины, на промышленность, на органы государственного сообщения, обмена и производства. Человек во всем этом только пережиток старых военных традиций. (На восточном театре войны, конечно, иное дело, – он гораздо более связан с предшествующей эпохой войны). <...>

По всем данным настоящей войны, мы вправе себе представить следующий этап войны как борьбу исключительно машин с машинами, руководимых своими машинистами только издали. Артиллерийские дуэли безучастия инфантерии уже являются прообразами этой войны («Париж и война. Маленькие недосмотры», 19 октября 1915).¹

Волошин говорил об этом своим французским друзьям перед отъездом в Россию, но они тогда восприняли это как шутку:

Этот же Волошин спросил спокойно у одного из наших собратьев по перу, на трамвайной площадке, к изумлению прочих пассажиров: «А что вы скажете, если машины взбунтуются?»

Но отнюдь не машины взбунтовались в его стране.²

Война и революция заставили поэта вновь вспомнить о пророчествах Верхарна и о «трихинах» Достоевского:

Для Верхарна – апокалиптического провидца тех диaboлических и стихийных сил, которые скрываются за «культурными» формами европейской жизни и клокочут в злобных сердцах машин, европейская война, ими же подготовленная, была полной неожиданностью («Судьба Верхарна», 1/14 января 1917 г.)³

В строках кровавого листа
Кишат смертельные трихины <...>.
(«Газеты», Париж, 12 мая 1915)

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей.
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины

Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,

¹ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 6. Кн. 1. С. 512-513.

² Le Cri de Paris. 1918, 31 mars. P. 9-10.

³ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 4. С. 22.

Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут – мор, голод и война.
(«Трихины», Коктебель, 10 декабря 1917)¹

Волошин пишет стихи, позднее вошедшие в поэму «Путиами Каина. Трагедия материальной культуры» (1915-1926; основная часть создана в 1922-1924 гг.). Исходные тезисы ее восходят к упомянутым выше стихам и эссе (в первую очередь, «Демоны разрушения и закона», «Скрытый смысл войны») и к лекции «Скрытый смысл войны», прочитанной в Коктебеле в 1918 г. Однако опыт революции и гражданской войны заставляют переосмыслить их. Поэма посвящена парадоксу мятежа. Без насилия мир остановится, но революция приводит к установлению новой диктатуры, еще более страшной и кровавой.

Меж духами стихий и человеком
Не угасает тот же древний спор;
Что человек, освобождая силы
Извечных равновесий вещества,
Сам делается в их руках игрушкой.
(III. Магия)²

Машина – победила человека:
Был нужен раб, чтоб вытирать ей пот,
Чтоб умащать промежности елеем,
Кормить углём и принимать помёт. <...>
Машина научила человека <...>
Что человек – такая же машина (VII. Машина).³

Страшно то, что люди, став рабами машин, уподобились им, а затем создали общество, построенное на самоуничтожении. Предсказания Достоевского стали явью:

Все новые и новые народы
Сбегались и сплетались в хороводы
Под гром и лязг ликующих машин.
И никогда подобной пляски смерти
Не видел иступленный мир. <...>

Тогда раздался новый клич: «Долой
Войну племён, и армии, и фронты:
Да здравствует гражданская война!»
И армии, смешав ряды, в восторге
С врагами целовались, а потом
Кидались на своих, рубили, били,
Расстреливали, вешали, пытали,
Сдирали скальпы, резали ремни,
Сквернили церкви, жгли дворцы, взрывали
Пути, мосты, заводы, города,
Уничтожали склады и запасы,
Ломали плуги, угоняли скот,

¹ Волошин М.А. Собр. соч. Т. 1. С. 227, 256.

² Волошин М.А. Собр. соч. Т. 2. С. 15.

³ Там же. С. 31-32.

Гноили хлеб, опустошали сёла,
Питались человечиною, детей
Засаливали впрок¹ – была разруха,
Был голод. Наконец пришла чума. (X. Война)²

События, пережитые поэтом, оказались страшнее фантастических сочинений о войне людей и машин. Напомню, что действие романа Замятина «Мы» (1920-1921), описывающего цивилизацию омашиненных людей, происходит после войны города и деревни, голода и перехода на нефтяную пищу, унесшую 98% населения.

От символизма к экспрессионизму: ожившие вещи

Ромен Роллан написал в 1921 г. сценарий «Восстание машин, или распоясавшаяся мысль», развивая идеи Анри Нера. Иллюстрации, представляющие будущий фильм, нарисовал Франс Мазерель.³ Книга была напечатана, но в продажу не поступила, поскольку автор мечтал увидеть свое творение на экране. Машины выполняют за людей всю работу, могут даже читать их мысли и, воспользовавшись конфликтом между президентом, и великим изобретателем, восстают против них и побеждают. Однако, машинам нужно, чтобы люди смазывали их, заправляли, чинили. Великий изобретатель провоцирует войну между ними и машины уничтожают друг друга. Люди возвращаются в золотой век сельских трудов. Но изобретатель мечтает о новых, еще более совершенных машинах...

Лев Лунц, один из Серапионовых братьев, незадолго до смерти написал сценарий «Восстание вещей» (1923, опубл. 1965)⁴, в котором благодаря великому ученому вещи оживают и убивают людей. Однако, одержав победу, они оказываются ненужными, ибо были созданы служить людям. В итоге люди возвращаются в город и живут, как прежде. Но тайное умение разговаривать с вещами, командовать ими унаследовал его ученик.

В 1924 г. появился роман Антонена Селя (наст. имя Антонен Пату, писал также под псевдонимом Пьер Адан) «Забастовка машин»⁵ (русский перевод вышел в 1927 г. под названием «Бунт машин»). Писатель доводит до карикатуры приемы экспрессионизма; персонажи воплощают социальные типы и носят говорящие имена: Делец, Актерка, Девчужка, Чел. В современном технократическом обществе рабочие превратились в машины, обслуживающие стальные чудовища, которые больше них похожи на живые существа. Герой изобретает способ останавливать на расстоянии все механизмы; он выдает себя за секретаря Союза Машин и объявляет о забастовке машин. Бунт стального племени против человечества напоминает апокалипсис, промышленность и транспорт бездействуют. Но затем горожане превращаются в ремесленников и крестьян, налаживается мирная жизнь. Правительство едва не арестовывает изобретателя, но благодаря любовной идиллии все возвращается на круги своя.

Но еще раньше, до Роллана и Селя, Карел Чапек создал пьесу «РУР» (1920, пост. 1921), вскоре переведенную на немецкий, английский, французский, русский. В пьесе роботы (именно Чапек

¹ М.А. Волошин к Е.О. Кириенко-Волошиной, Феодосия, 1 мая 1922 г.: «Милая мама. <...> Советую тебе быть очень осторожной относительно мяса: сейчас на базаре очень много человечины, главным образом трупье мяса. Но за этот месяц в Судакском районе константировано 61 детоубойство (на мясо и главн<ым> образом матерями, в С<таром> Крыму – 35. <...> Очень многие солят детей впрок». *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 12. С. 478-479.

² *Волошин М.А.* Собр. соч. Т. 2. С. 42.

³ *Rolland R.* La révolte des machines ou la pensée déchaînée. Illustrations de *F. Masereel*. P.: Sablier, 1921.

⁴ *Лунц Л.* «Обезьяны идут!» / Е. Лемминг, В. Шубинский. СПб.: ИНАПРЕСС, 2003. С. 268-308. См. также: *Кукуй И.* Концепт «вещь». С. 60-68 (глава «Вне закона» кинематографа). Исследователь пишет о пародийности сценария, об обыгрывании литературных и кинематографических штампов.

⁵ *Seuhl A.* La grève des machines, roman nouveau. P.: Baudinière, 1924.

изобрел это слово) восстают против людей, убивают всех, кроме одного инженера, но не могут наладить производство новых, утратив секрет оживления механизмов. В финале два робота, мужчина и женщина, влюбляются; их любовь, возможно, породит новую жизнь. Отметим, что Чапек дает двум героиням пьесы, женщине и роботу, имя Елены Прекрасной, отсылая к теме «Фауста»¹.

Алексей Толстой использовал перевод с немецкого пьесы Чапека, переданный ему Г.А. Кролем для литературной обработки, и на его основе создал свой вариант, «Бунт машин» (1924). Как показали З.Г. Минц и О.М. Малевич,² Чапек использовал тему воскрешения Голема, искусственного человека³, для философской драмы о кризисе механистического общества, основанного на тейлоризме, в котором люди похожи на роботов, будь оно капиталистическое или социалистическое. А.Н. Толстой, вернувшийся в 1923 г. в советскую Россию, переставил акценты: роботы совершают революцию, не без помощи людей. Уничтожив своих создателей, лучшие из них узнают любовь и, возможно, положат начало новой цивилизации.⁴

Бунт вещей в советской литературе тех лет перекликается с восстанием зверей: «Крокодил» (1916-1917), «Мойдодыр» (1922), «Тараканище» (1923), «Федорино горе» (1926) Корнея Чуковского⁵, «Роковые яйца» (1924, опубликовано 1925) и «Собачье сердце»⁶ (1925) Михаила Булгакова.

В Германии Фриц Ланг в фильме «Метрополис» (1927) показывает бунт обезличенных рабочих, превращенных в придаток машин, создание женщины-робота.

Символист и мистик Григорий Робакидзе после эмиграции в Германию в 1931 г. вступил через 20 с лишним лет в полемику с Маринетти:

Техника принадлежит Западу. Она – его волшебная сила, способная в случае его неправильного применения обернуться пагубой («Чувство жизни на Востоке и Западе»).

Отрешенно наблюдая за автомобилем, чувствуешь, что перед тобой чудовище. <...> она [машина] есть творение, хотя и не из рук Творца, ибо создана человеком, к тому же не рождена, а лишь сконструирована им. <...> Случается, она мчится порой без водителя, мчится слепо, бешено, эпилептически, и тогда кажется, что она — охваченная безумием тварь, лишенная каких бы то ни было чувств. Извергающая из своих сопел маслянистую слюну, она – исчадие нового Апокалипсиса – неистовствует в бессильной злобе. Неодолимый ужас охватывает тогда человека («Первородный страх и миф»)⁷.

Напротив, литература социалистического реализма прославляет индустриализацию. Машина подчиняется человеку, помогает ему властвовать над природой, перекрывать реки платинами и гидроэлектростанциями, не обращая внимания на людские трагедии. Однако о них возвестил еще «Фауст» Гете: из-за возведения плотины гибнут Филемон и Бавкида. В СССР о техногенных и экологических катастрофах заговорят только в перестройку.

¹ В романе «Война с саламандрами» (1936), в аллегорической форме описывающем наступление фашизма, Карел Чапек вновь поставил вопрос об ответственности людей, порождающих силу, которая их уничтожит.

² Минц З.Г., Малевич О.М. К Чапеку и А.Н. Толстой. А. Н. Толстой в Чехословакии в 1935 г. // Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Вып. I. Тарту, 1958. С. 120-164, 204-214. (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 65).

³ В 1914 г. Густав Майринк в романе «Голем» переработал древнюю еврейскую легенду в рассказ о переселении душ.

⁴ См. также: *Никольский С.В.* К истории знакомства с пьесой Чапека «РУР» в России // Славянский альманах 2003. М.: Индрик, 2004. С.407-418.

⁵ *Кукуй И.* Концепт «вещь». С. 56-60 (глава «Футуристический апокалипсис и детская литература»).

⁶ История восстания против ученого оперированных их животных восходит к «Острову доктора Моро» (1896) Г. Уэллса.

⁷ *Робакидзе Г.* Демон и миф. Магический калейдоскоп / пер. с немецкого С. Окродидзе. Тбилиси: Цотне, 2001. С. 69, 46-47.